

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.112.2'282.4'42

DOI: 10.17223/19996195/53/1

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: ВАРЬИРОВАНИЕ ФОРМ И ЗНАЧЕНИЙ

О.А. Александров, З.М. Богословская

Аннотация. Рассматривается язык российских немцев – субэтноса, охваченного процессами языкового и культурного сдвига. Работа выполнена в русле перцептуальной диалектологии – лингвистического направления, объединяющего достижения традиционной диалектологии и «наивной» лингвистики. В ней также реализованы подходы дискурсивной и полевой лингвистики. В фокусе исследования находится система метаязыковых представлений российских немцев, отраженных в фольклорном дискурсе названной общности. На основе анализа немецких диалектных прецедентных текстов вырисовывается картина форм реализации в них метаязыковой рефлексии, раскрываются явления языковой реальности, образующие объект данной рефлексии. В ходе полевых работ были опрошены 123 человека немецкой национальности, проживающие в разных районах Томской области, собран корпус фольклорных текстов преимущественно комического дискурса. Выявлено, что реализация метаязыковой рефлексии в российско-немецком фольклорном дискурсе имеет разноуровневый характер – она может принимать свернутые (имплицитные) или же яркие (эксплицитные) формы. Большинство зафиксированных в полевых условиях диалектных текстов не передает развернутых размышлений о языке и не содержит маркеров метаязыковой рефлексии – слов и словосочетаний, объективирующих факты языка или речи. Однако именно осмысленное, внимательное отношение коллективного сознания к языковой действительности закладывает творческую базу для текстопорождения этого типа. Имплицитные метаязыковые структуры функционируют в текстах этой категории как необходимые элементы их семантической структуры. Они обеспечивают достижение общего суггестируемого эффекта, облекаясь в форму необходимых для этого стилистических приемов, основанных преимущественно на игре со значениями и звуковыми оболочками диалектных слов. В свою очередь эксплицированно реализованные в фольклорном тексте знания о языке образуют его центральные семантические строевые части. Вокруг осознанных и отраженных в тексте явлений языковой действительности непосредственно выстраивается сюжет фольклорного произведения, а метаязыковые представления в сюжетообразующей функции маркируются лексическими единицами, обозначающими язык / речь. К числу таковых осознаваемых и получающих тематизацию явлений относятся вызванное билингвизмом российских немцев переключение кодов, изменение словарного состава родного языка в силу трансформации социальных условий его бытования, формальные и семантические особенности

слов, гендерные особенности речи, языковая норма и др. Установлено, что в свете перцептуальной диалектологии фольклорные тексты следует интерпретировать как «прецедентное» зеркало, которое не только отражает и закрепляет наиболее салиентные для коллективного сознания изучаемой диалектной общности языковые феномены, но и аккумулирующие релевантный для этой общности культурно-исторический контекст данных феноменов. Предлагаемый методологический подход может быть в дальнейшем использован для построения такой рефлексивной модели языка, которая бы объединяла в себе профанное, бытовое с общесторическим, общекультурным.

Ключевые слова: немецкая диалектология; перцептуальное направление; российские немцы; обыденное метаязыковое сознание; фольклорный дискурс.

Введение

Под влиянием новых ориентиров всей современной лингвистики наблюдается теоретико-методологический сдвиг и в отдельных ее областях.

В частности, подобные изменения распространяются на диалектологическое направление науки о языке. Территориальные формы языка в диалектологии все менее воспринимаются как ригидные системы, измерить которые возможно в достаточной степени «паутиной» изоглосс. Все больше диалекты трактуются как сложные, нестабильные, варьирующие комплексы явлений, наиболее полное моделирование которых требует учета сразу нескольких аспектов их бытования. Антропоцентризм, укрепление междисциплинарных связей, рост интереса к функциональным аспектам языка постепенно меняют вчерашнюю «диалектологию диалекта» на актуальную «диалектологию говорящих на диалектах» (ср.: [1. С. 42]).

В результате этих процессов сегодня выкристаллизовывается новая ветвь диалектологии, получившая название перцептуальной. Представители перцептуальной диалектологии обращаются к тому, «что обычные люди думают относительно дистрибуции языковых вариаций в своем языковом сообществе, а также и в других сообществах, как простые люди относятся к диалектам» [2. С. 38]. Наиболее активно данная сфера знаний развивается за рубежом. Так, иностранные исследователи изучают языковые установки по отношению к диалекту в целом, к отдельным его явлениям и системам, через призму обыденного восприятия апеллируют к вопросу территориального членения языка, выявляют вариативные и инвариантные элементы метаязыковых представлений диалектоносителей, обращаются к вопросу обыденной трактовки языковой нормы и многое др. (см., например, [3–7]). К подобным вопросам растет внимание и отечественных исследователей, однако непосредственно на материале диа-

лектных форм языка, бытующих в России, до сих пор выполнено относительно небольшое число работ [8, 9].

Следует отметить, что подавляющая часть перцептуально ориентированных диалектологических исследований базируется на импровизированных, т.е. спонтанных, формах проявления метаязыковой рефлексии. К ним относятся, например, отдельные метаязыковые комментарии лингвистических неспециалистов в ходе проведенных с ними интервью или речевые реакции в результате психолингвистического эксперимента и т.п. Диалектные тексты же неимпровизированной природы, которые как продукт устного народного творчества получили коллективное закрепление в качестве прецедентных явлений, образуют практически не тронутое поле активно развивающейся перцептуальной диалектологии.

Отвечая на потребности современной диалектологической науки и восполняя ее пробелы, далее в работе впервые излагаются результаты исследования метаязыковой рефлексии, отраженной в фольклорных текстах, которые функционируют в традиционной лингвокультуре российских немцев. Работа дает представление о формах реализации данной рефлексии, акцентируя вариативность ее экспликации, а также о явлениях, образующих объект обыденного метаязыкового осмысления.

Как было отмечено, перцептуальная диалектология расширяет достижения, приобретенные традиционными методами, за счет смещения фокуса исследовательского интереса с самого языка на то, что о нем думает и говорит его носитель. Однако перцептуальное направление диалектологии сохраняет и консервативную функцию всей диалектологической науки, которая состоит в документации самобытной культуры и уникального образа мировосприятия носителей языковых образований миноритарного статуса. Поэтому актуальность работы определяется не только обозначенными тенденциями лингвистики и неразработанностью выбранного для исследования фактологического материала, но и непосредственно состоянием традиционной культуры российских немцев, которой на данный момент свойственны ярко выраженные ассимилятивные тенденции (см. об этом подробнее: [10]).

Материал и методология исследования

В качестве ключевого понятия предлагаемой работы выступает *метаязыковое сознание* (МЯС). МЯС находится в подчинительных отношениях с языковым сознанием: «...МЯС существует в рамках языкового сознания как его составляющая». Оно выполняет интерпретационную функцию, т.е. направлено на «отражение языка-объекта как элемента действительного мира» и обладает аккумулятивными свойствами.

ми, так как представляет собой «совокупность знаний, представлений, суждений о языке» [8. С. 45].

Метаязыковое сознание как когнитивная сущность характеризуется многоуровневой структурой, а формы речевой реализации этой сущности демонстрируют значительную вариативность: «Многоаспектность функционирования метаязыкового сознания предполагает наличие разных параметров обнаружения и описания форм его проявленности, диапазон которых очень широк: от “молчаливой рефлексии”... до теоретической рефлексии профессиональных лингвистов-теоретиков» [11. С. 12]. Непосредственно в рамках предлагаемой работы в фокусе исследования оказываются такие формы экспликации МЯС, которые обнаруживает фольклорный дискурс.

Следует отметить, что фольклорные тексты характеризуются тесными онтологическими связями с категорией художественного текста: «...язык фольклора есть особая форма общенационального языка, сродни художественному языку» [12. С. 58]. Согласно Н.С. Болотновой, художественный текст – это сплетение «сложной системы различных кодов: языкового, предметного, эмотивного, образного, коммуникативного, культурологического, эстетического» [13. С. 222]. Такое понимание природы текста, наделенного художественными свойствами, позволяет предположить наличие высокого метаязыкового рефлексивного потенциала не только в текстах художественной литературы, но и в народных прецедентных текстах, которые в отличие от первых остаются по большей части за рамками перцептуально ориентированных исследований.

Фактологическая база исследования формировалась в Томской области авторами данной статьи посредством самостоятельных полевых практик. Полевые работы проводились с 2005 по 2016 г. Значительная доля аудио- и видеозаписей, которые вошли в практическую базу исследования, выложены в сеть Интернет и доступны для общего пользования на сайте Томского областного Российско-немецкого Дома (<https://www.tomdeutsche.ru/dialects/>).

Всего были опрошены 123 жителя обсуждаемого субъекта РФ, владеющие территориальными формами немецкого языка как в пассивной, так и в активной формах. Подавляющая часть опрошенных немецких диалектоносителей – это люди пожилого и старческого возраста. Они демонстрируют характерные социально-демографические показатели жителей, ведущих традиционный сельский уклад жизни – профессиональная вовлеченность в соответствующие отрасли хозяйства, невысокий уровень образования, низкая мобильность, религиозность и т.п. Большинство из них являются переселенцами с Поволжья или родились в Сибири в семьях выходцев из бывшей АССР Немцев Поволжья.

Источниками анализируемых далее прецедентных текстов выступили не только интервью, но и обнаруженные в ходе полевых работ образцы народной фольклористики – тетради, содержащие записанные от руки самими немцами шванки, частушки, песни и т.п.

Исследование и результаты

Анализ приобретенных в полевых условиях фольклорных текстов на предмет выявления в них фактов материализации МЯС показал, что из всего собранного жанрового многообразия именно тексты комического дискурса демонстрируют наибольшую насыщенность проявлениями метаязыковой рефлексии. Под текстами комического (юмористического) дискурса понимаются произведения, прагматическое значение которых состоит в том, чтобы рассмешить собеседника: «...осмысление и понимание комического... предполагает выявление событий либо ситуаций, вызывающих улыбку или смех...» [14. С. 895]. Собранные в Томской области комические тексты русско-немецкой лингвокультуры – это по большей части анекдоты, шванки, частушки. Меньшую долю составляют некоторые сказки, а также небольшие рифмованные произведения, которые можно отнести к жанру юморески.

Отражение метаязыкового сознания российских немцев в семантической структуре прецедентного комического текста приобретает разные формы. Так, превалируют тексты, в смысловой организации которых проявления МЯС занимают не центральную, а опосредованную позицию. В подобных текстах продукты метаязыковой рефлексии, т.е. полученные в результате осознанного осмысления представления о языке, выполняют роль ключевых инструментов, которые обеспечивают достижение выдвигаемой прагматической цели – комического эффекта. Данные тексты не передают развернутых размышлений о языковых явлениях, не содержат маркеров метаязыковой рефлексии – слов и словосочетаний, объективирующих факты языка или речи. Однако именно осмысленное, внимательное отношение к языку и его единицам закладывает творческую базу, саму возможность создания подобных текстов.

Факты активности МЯС в данном случае обретают форму стилистических приемов, семантическую основу которых вслед за исследователями комического дискурса можно обозначить как «двойную актуализацию единиц» [15. С. 6], а коммуникативную природу – «лексическим недоразумением» [9. С. 21]. Использование этих приемов обеспечивает в сюжетной линии произведения актуализацию ситуаций парадоксальности, противоречивости, контраста, что вызывает в конечном итоге смех или улыбку реципиента текста.

Так, во многих шванках и анекдотах, бытующих в коммуникативной среде немцев Томской области, объективируются представле-

ния, сформированные в результате наблюдения за многозначными словами. Подобные тексты приобретают комичность за счет актуализации двух разных значений одного слова. Данные значения противопоставляются друг другу, и это противопоставление создает ситуацию нарушения коммуникации между героями сюжета. Подобный стилистический прием называется каламбур. Например, в приведенном ниже комическом тексте (пример (1)) каждое из действующих лиц, используя слово *spinnen* (рус.: 1. плести, 2. рехнуться), апеллирует к разным его значениям. Один из героев использует данное слово во второстепенном значении, другой – в основном:

(1) *An Krossmotterche zu Doktor na nruem. Und s Krossmotterche war dick und verrickt. Sie sacht den Doktor: «Ich bin schwonger und mei Kind kommt mir net raus!». Der Doktor sacht: «Du bist dick wie ne Kuh. Du bist nicht schwanger! Spinnst du wohl?» – «Jaa, in мой Level hun ich so viel gespinnt, so viel gespinnt!»*

В собранных образцах текстовой культуры российских немцев также отражаются результаты обыденного наблюдения за типичными контекстами употребления слов, словосочетаний, типизированных синтаксических целых. Комический эффект обеспечивается посредством того, что структурная единица текста – обычно ключевое высказывание главного героя – оказывается в нетипичном для нее контексте, что создает ситуацию недоразумения, неожиданного контраста между ожидаемым и происходящим. Так, в примере (2) центральный герой шванка – глава фамилии – предстает лентяем, лодырем, в то время как его жена обеспечивает семейный доход. Ключевая фраза этого мужчины «*der Vater muss seh, von wo das Brot herkommt!*» (рус.: мужчина должен знать, откуда деньги в дом приходят) является неожиданной для реципиента текста и резко контрастирует с той сюжетной линией, которая ей предшествует. Подобная игра значениями в тексте, основанная на контрасте, именуется специалистами иронией. Следует отметить, что ирония в семантической структуре данного текста становится возможной вследствие салиентности для МЯС немецких диалектоносителей еще одного явления языка – внутренней формы слова. Фраза «*der Vater muss seh, von wo das Brot herkommt!*» (рус.: мужчина должен знать, откуда деньги в дом приходят) демонстрирует прием буквализации, при котором основное (узуальное) значение нивелируется окказиональным. В данном случае оно приобретает через обращение к внутренней форме словосочетания «деньги приходят в дом». Для достижения комического эффекта осуществляется намеренное сталкивание, конфликтизация узуального значения с внутренней формой словосочетания:

(2) *Ba uns im Dorf der faule Mann gelegen hot, der hot immer ufs Bett gelege. Und er hot gelurt bis die Frau kommt, mit de Segelje (нем. лут.: Säckchen), wo sie gebettelt hot.*

*Und gegen Mittag sei die Kinnr bei ans Fenster gegan-
guckt und sache «die Mama kommt. Die Segelje ist voll». Und dann ist der
Vater von s Bett uf und ist zum Fenster hie, und hot die Kinnr von dem Fens-
ter weggetriebe und sagt «Geht mol weg!» und sagt «der Vater muss sieh,
von wo das Brot herkommt!»*

Салиентность для МЯС не только внутренней формы слова, но его внешней, звучащей стороны также создает творческую основу для текстов с комическим эффектом. Так, ключевым приемом в нижеприведенном тексте выступает фальсификация слов (пример (3)). И использованные в данной комичной истории квазислова предстают как звуковые пародии на единицы, действительно существующие в лексико-семантической системе диалекта. Употребление квазислов является не только ключевым элементом всей семантической структуры анекдота, но и вызывает улыбку у реципиента текста само по себе – из-за своеобразного пародийного звучания:

*(3) An Mann hot ne Fra gheiratet und die hot noch 3 Monate ein
Kindje gekrieht. Und конечно Gerichte sinn durch das Dorf umgegan-
ge. Мол, die ist fremdgegangen und des Kind ist net sein. Und da hot er Ärcher
(нем. лут.: Ärger) gekrieht und zu sein Fraa: «Was sollte des sein? Мол,
объясняйся!». Und die dem so ruhich: «Ich bin net schullig (нем. лут.:
schuldig). Ich hun net mol geliecht (нем. лут.: gelügt). Ну, vom zähl toch
von selvst:*

April, Til, Tudil.

Mai, Tai, Tudai.

Mjarz, Tjarz, Tudjarz!

Des sind toch nein Monate!»

МЯС немцев Томской области отражается в собранных комических текстах и в иных формах – используются метафоры, метонимии, омонимы, паронимы и другие средства языка, которые создают ситуации «лексического недоразумения» [9. С. 21] и обеспечивают желаемое суггестируемое воздействие на реципиента произведения.

Однако в собранном корпусе текстов обнаружены произведения, в которых те или иные салиентные для МЯС явления отражаются не просто как инструмент для достижения комичного эффекта, а тематизируются, т.е. приобретают роль центрообразующего семантического элемента, вокруг которого разворачивается непосредственный сюжет текста. Так, в рассматриваемых далее текстах имеет место экспликация когнитивных структур именно этого уровня: завуалированное, имплицитное уступает место эксплицитному – рефлексия о языке становится основой сюжета произведения. В таких текстах наличествуют словмаркеры, указывающие на факты вербализации МЯС, т.е. слова со значениями «язык», «немецкий», «слово», «говорить», «понимать» и др. Обратимся к подобным образцам народного творчества более подробно.

В одном из произведений, фрагменты которого приведены ниже, тематизируется такое свойство многих российских немцев, как билингвальность, т.е. владение немецким и русским языками. Данный текст по содержательным признакам схож с жанром шванка, однако обладает стихотворной формой и может быть реализован в речи непосредственно как стих или как произведение песенного дискурса. Наличествующая комбинация позволяет отнести рассматриваемый текст к жанру юморески. Произведение называется «*Nicht kauderwelschen*», что переводится как «не коверкать язык» или как «не смешивать языки при разговоре». Сюжет произведения реализуется в форме беседы трех героев – российских немцев. В начале произведения двое из них – муж и жена, Йоханн и Лиза, – обсуждают бытовые вопросы: необходимо покормить свинью, запереть сарай, вскопать огород, сходить за помидорами и т.д. При этом их диалог реализуется преимущественно на немецком языке, но с активным применением не ассимилированных или частично ассимилированных заимствований из русского языка: *kormi* (рус.: покорми), *Sarai* (рус.: сарай), *sabywaji* (рус.: забывай), *kopaje* (рус.: копай), *potogaje* (рус.: помогай), *ladno* (рус.: ладно), *beri* (рус.: бери), *Korzin* (рус.: корзина), *Pomidorrassade* (рус.: рассада помидоров) и др.

Данный диалог мужа и жены подслушивает третий герой произведения – учитель Штайн. Его возмущает некорректное, как ему представляется, речевое поведение супругов, и сюжетная линия приобретает форму поучительного монолога, посредством которого Штайн объясняет супружеской паре, как следовало бы построить правильно только что осуществленный ими диалог. Он предлагает Йохану и Лизе не смешивать два языка – говорить исключительно либо на русском, либо на немецком:

Will man sprechen ein paar Sprachen,

Soll man das getrennt stetz (um. нем: stets) machen.

Russisch? Bitte! Aber rein Deutsch? Da soll es auch deutlich sein.

Штайн объясняет, что вместо *kormi* следует говорить *füttere*, вместо *Sarai* – *Scheune*, вместо *sabywaji* – *vergiß es nicht!* Или же следует корректно изъясняться на русском языке: *kopaje* заменить на *копать*, *potogaje* – на *помогать*.

Затем Лиза, жена Йохана, реагирует на монолог Штайна следующим образом:

Hast gehört mein lieber Schofmann,

Wie man höfflich sprechen muss,

Dass die Sprache wird zum Genuss?

Этим высказыванием она не без доли иронии призывает мужа прислушаться к рекомендациям Штайна и разговаривать «вежливо» (в оригинале: *höfflich*), чтобы «язык приносил удовольствие» (в оригина-

ле: «*die Sprache wird zum Genuss*»). Муж же отвечает, что сначала надо научиться «говорить каждое слово точно» (в оригинале: «*sprich jedes Wort genau*»), т.е. так, «как оно должно быть сказано» (в оригинале: «*wie's gesprochen werden muß*»). Только в этом случае, считает Йоханн, язык принесет удовольствие.

В качестве пуанты в анализируемом тексте выступает высказывание Лизы – ее реакции на предложение мужа выучить языки должным образом. В этом высказывании Лиза вновь переходит на «смешанный» язык, употребляя слова *skol* (рус.: сколь), *natschinaje* (рус.: начинание), *boltaje* (рус.: болтать). Лиза заключает, что пока она будет изучать языки, то ей, видимо, придется молчать. И тут же приходит к неожиданному для самой себя выводу, что как раз это должно очень понравиться ее мужу Йоханну:

*Gut, lieber Mann, skol tu ich Natschinaje,
Doch lass mich so lang boltaje
bis ich richtig sprechen kann.
Oder soll ich lieber schweige?
Gell, des hätt's du gern Johann!*

В обсуждаемом здесь тексте имеет место одновременно двухуровневая экспликация МЯС. Результаты осмысленного обращения к языку представлены имплицитно – герои произведения, беседуя, смешивают два кода. В итоге в тексте находит отражение реальное своеобразие бытового речевого поведения российских немцев. При этом смешивание языков осуществляется нарочито, экспрессивно. Экспрессивность достигается за счет использования стихотворной формы и приема гиперболизации. Экспрессивность, в свою очередь, выступает одним из инструментов иронии, которой пропитано все произведение.

В то же время факт смешения кодов определяет и развитие сюжетной линии – вокруг данного факта разворачивается дискуссия героев. Эта дискуссия выводит метаязыковой потенциал обсуждаемого произведения на новый уровень – непосредственного вербализированного осмысления особенностей речевого поведения.

Важно отметить, что апелляция к таким связанным аспектам языковой действительности российских немцев, как билингвизм и смешение кодов, осуществляется через рассуждение о категории языковой нормы. Следуя высказываниям одного из героев произведения, говорить «правильно» – это использовать только немецкий или русский язык, а не какую-либо смешанную, промежуточную форму, которая имеет место в коммуникации российских немцев. Необходимость ориентироваться на норму, под которой в определенном смысле понимается приверженность однокодности, объективируется в произведении еще до начала актуализации событийной линии – это происходит в его названии, которое звучит как «*Nicht kauderwelschen*».

В обсуждаемом здесь тексте также объективируется такой признак «правильного» речевого поведения, как вежливость. Так, Лиза говорит своему мужу: «*Hast gehört mein lieber Schofmann, wie man höflich sprechen muss...*» (рус.: «слышал, мой любимый Шофман, как надо вежливо разговаривать...»). Таким образом, смешение кодов маркируется обыденным сознанием как проявление невежливости, т.е. неподобающего обращения с партнерами по интеракции. Использование слова со значением «вежливость», с одной стороны, акцентирует «правильность» однокодовой коммуникации, дополнительно маркируя ее как соответствующую образцу, эталону. С другой стороны, это добавляет иронический оттенок, указывает на редундантность данного свойства в бытовых условиях общения, когда «вежливость», т.е. ориентация на модусы более высокого стиля общения, может перегружать и мешать естественной коммуникации.

Кроме того, один из героев юморески – Йоханн – говорит своей жене о том, что «правильной» речи надо учиться: «*deshalb lerne, liebe Frau...*» (рус.: «поэтому учись, дорогая жена...»). Тем самым в анализируемом тексте находит отражение такой признак речи, концепируемой в качестве эталонного: «правильно» разговаривают образованные люди.

Примечательным является объективация в анализируемом тексте еще одного признака «правильного» речевого поведения – оно сопровождается удовольствием, наслаждением. Участники изображаемой в произведении дискуссии дважды прибегают к слову *Genuß* (рус.: удовольствие, наслаждение), говоря о том, что приверженность однокодовости может доставлять это чувство. Однако использование *Genuß* в рассматриваемом контексте, по всей видимости, является элементом языковой игры, призванной придать ироничность разворачивающемуся речевому действию, поскольку опрошенные немцы Томской области в ходе общения с исследователями указывали, что им, напротив, приятно и удобно говорить так, как они привыкли. Кроме того, они отмечали, что переход к использованию только одного кода создает ощущение дискомфорта, так как в ходе речепорождения это требует дополнительного когнитивного напряжения.

Наряду с эталоном речевого поведения, под которым понимается необходимость использовать только один языковой код, в анализируемом произведении объективируются эксплицитным образом метаязыковые наблюдения другого характера. Склонность женщин к многословности, говорить много и не всегда по делу, обыгрывается в пуанте данного текста. Этот переход от одной метаязыковой тематики к другой придает сюжетной линии юморески последовательную ступенчатость. Дискуссия, которая разворачивалась вокруг вопросов общего, отчасти небытового характера – как говорить на языке правильно,

вдруг переходит к вербализации представлений о языке гендерного и потому ярко эмоционального свойства: женщины любят поговорить и это раздражает мужчин.

Текст обсуждаемого произведения «*Nicht kauderwelschen*» реализован с использованием преимущественно немецкого литературного языка. Немецкий литературный язык или его диалектно окрашенный вариант – это языковые варианты, с помощью которых оформляются многие прецедентные тексты российско-немецкой культуры. В этнической общности, где функционирует широкая палитра территориальных форм немецкого языка (см. об этом подробнее: [16]), оформленный наддиалектами средствами языка текст понятен большому количеству реципиентов.

Наряду с немецким литературным языком, как было показано выше, в тексте используются «включения» на русском языке. Это создает концентрированный эффект естественного билингвального речевого взаимодействия российских немцев. Однако данный эффект усиливается спорадическим использованием элементов третьего кода – немецкого диалекта. Так, в произведении наличествуют такие диалектизмы, как *a mol* (нем. лит.: ein Mal), *gell* (нем. лит.: nicht wahr?), *stetz* (нем. лит.: stets). Смешанное использование трех кодов в обсуждаемом тексте свидетельствует о высокой салиентности этой особенности коммуникации российских немцев для их коллективного МЯС. В перспективе же взгляда на смысловую организацию обсуждаемого текста это смешение играет важную стилистическую роль: оно не только отражает языковые реалии российско-немецкой культуры, но и позволяет всему тексту произведения войти в иронический конфликт с названием произведением, которое, наоборот, призывает подобную «мешанину» избегать.

Другие комические тексты, вошедшие в корпус собранного нами полевого материала и объективирующие метаязыковую рефлексию в развернутой форме, относятся к жанру шванка или анекдота. Они гораздо меньше по объему, а в формальном и содержательном планах значительно проще, чем проанализированное выше произведение.

В некоторых текстах обозначенного жанра обыгрываются факты экспликации МЯС, представляющие собой семантизацию лексических единиц. В приведенных ниже фольклорных произведениях (примеры 4, 5) основой сюжета выступает неспособность главных героев адекватно объяснить значение определенных слов, которые они в силу тех или иных причин забыли.

Так, в примере (4) женщина вследствие пожилого возраста и проблем с памятью не может вспомнить слово *ausfallen* (рус.: выпадать) и объяснить адекватно парикмахеру, что у нее выпадают волосы. В примере (5) главный герой – мужчина, оказавшись в магазине, не может

вспомнить слово *Eier* (рус.: яйца) и, соответственно, найти предмет, который хочет приобрести. Видимо, его забывчивость объясняется тем, что мужчины реже, чем женщины, ходят в магазин:

(4) *Kommt das alde Weibel zu Doktor und will sache, dass die Haar bei der herausfalle. Aver des Wort «ausfalle» verge[z]e und sacht die mol den Doktor: «Hy, was der was? Ich hun des verge[z]e. Hy, mei Haar sache ällmol (нем. лум.: jetzt) «Ufwiedersehe! Ufwiedersehe!»». Und da antwortet der de Dokror: «Dann nehm dei Haar und saach den «Guden Tach! Guden Tach!»».*

(5) *An Mannskerl ist gkomme in magazin. Reisst die Ouge (нем. лум.: die Augen) uf, konn die Eier net finde. Der leivt (нем. лум.: läuft) herum und da seht ufeinmal n Hingel (нем. лум.: Hähnchen). Greift des und glicklich kommt к продавицца gerennt. «Nu, weisst ihr, des is die Muder und ich brauche ihre Kinner!».* Продавицца hot onfange aver lache: «Ich schenk jedz all zwei Hinkel und die Eier kriche du aachzwa hunnert. Des sinn die Kinnr von der Muder!»

В представленных комических текстах в отличие от юморески «*Nicht kauderwelschen*» не отражаются языковые особенности, свойственные непосредственно коммуникации российских немцев. Однако эти тексты отражают наблюдения языковых неспециалистов за таким универсальным свойством людей, как способность семантизировать лексические единицы. Эта способность может варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей семантизирующего или тех условий, в которых данный процесс протекает. Неспособность объяснить слово или его некорректное объяснение нередко приводит к ситуациям «лексического недоразумения» [15], что, в свою очередь, является комичным для стороннего наблюдателя.

В то же время в собранных комических текстах, относящихся к жанру шванка или анекдота, находит отображение апелляция МЯС не только к универсальным языковым феноменам, но и к явлениям, касающимся непосредственно условий социально-языкового бытования российских немцев. При этом данные явления могут отражаться в текстах, будучи погруженными в исторический контекст. Тем самым воссоздаются события языкового свойства, актуализируемые в конкретный период исторического развития российско-немецкого субэтноса. Подобные тексты дают понять, какие языковые явления в какой из этапов развития языковой ситуации российских немцев были для их коллективного МЯС наиболее салентными.

Так, сюжет текста, приведенного ниже (пример (6)), разворачивается в послевоенное время. Основу сюжетной линии задает низкая компетенция русского языка у главной героини произведения – пожилой российской немки. Ее клеймят «врагом народа» за то, что она в силу своих речевых особенностей не может правильно выговорить рус-

скоязычные слова «красноармейцы» и «Космодемьянская», значение которых в советское время носило в определенной степени политизированный и догматичный характер. Однако по сюжету некорректное произношение слов смещит другого героя произведения – сотрудника НКВД русской национальности, и он отпускает ее домой, не применив к ней каких-либо карательных действий. Комический эффект в этом произведении достигается за счет применения квазислов – «касонейцы» и «Касаньянская».

Таким образом, данный текст, хотя и является комичным, отражает трагичные страницы реальной истории российских немцев: в послевоенные годы они еще долго находились на учете в спецкомендатурах и могли быть наказаны за малейшее проступок. Этот текст историчен и непосредственно в языковом плане: во второй половине XX в. форма билингвизма, характеризующаяся как активно-пассивное немецко-русское двуязычие, была широко распространена среди российских немцев (см. об это подробнее: [10. S. 37]), в то время как сейчас она встречается чрезвычайно редко. Так, в ходе проведенных в Томской области интервью очень часто от опрошенных информантов можно было услышать, что их родители плохо говорили по-русски и многие русскоязычные слова в их устах звучали некорректно, но в то же время комично:

(6) *Ba uns in Dorf das alde Weib hot gelevt. Die hot Ru[ž]ig schlecht gespouche unt ru[ž]ig Werter immer kauderwelscht. Da sin die Gerichte im Dorf gegange, die ist wpaг напода. Und das alde Weib wert festnomme und in НКВД gebracht. Главный нквдшник sacht: «Sach Красноармейцы!» – «Касонейцы!». «Sach Зоя Космодемьянская!» – «Касаньянская!» Нквдшник hot nur angelocht und hot lasse das alde Weib nach Haus gehe.*

Следующий текст апеллирует (пример (7)), напротив, к современному этапу развития языковой ситуации обсуждаемого здесь субэтноса. События разворачиваются в Германии, и речь идет об эмигрировавших туда российских немцах. По сюжету бабушка и внучка покупают хлеб в магазине. Бабушка, обращаясь к продавщице, использует не немецкое *Brot* или *Brötchen*, а заимствованное из русского *Bulotschke* (рус.: булочка). Продавщица – коренная немка – не понимает значения данного слова. Тут на помощь приходит внучка, которая, по всей видимости, свободно владеет немецким литературным языком. Она исправляет бабушку, на что та восклицает: «*Oй, mein Sackermment, des war achtzig Jahr des Bulotschke, a menepь des is pletzlich какой-то Brötchen! Liever Leid!*» (рус.: «Ой, етить твою налево, восемьдесят лет это была булочка, а теперь это какой-то Brötchen! Боже мой!«).

(7) *In Deutschland Enkelche und ihr Kroussmudder sin komme in magazin. Die Kroussmudder sacht nпродавице: «Kep mir an булочка!». La-*

denmätje: «Ich verstehe net, was ist булочка?» Die Enkelche sacht zu Kroussmudder: «Man muss sache ne булочка, a Brötchen!» «Oü, mein Sackermment, des war achtzig Johr des Bulotschke, a menepf des is pletzlich какой-то Brötchen! Liever Leid!»

Данное произведение достаточно экспрессивно отражает одну из особенностей языковой ситуации российских немцев, проживающих в Германии. Привычное речевое поведение оказывается не функциональным со сменой места проживания. Переключение или смешение кодов расценивается как норма и демонстрирует эффективность только в пределах привычной коммуникативной среды. Иной этнокультурный контекст требует от российских немцев значительных усилий по языковой адаптации. К новым условиям дети, конечно, адаптируются намного быстрее, чем представители старшего поколения.

Заключение

Исследование показало, что в текстовой культуре конкретной этнической общности фольклорные произведения выступают средством объективации системы сформированных в этой общности метаязыковых представлений. При этом объективация данной системы несет разноуровневый характер – рефлексия о языке может принимать свернутые (имплицитные) или же яркие (эксплицитные) формы. Имплицитные структуры, реализуясь как стилистические приемы, служат достижению общего суггестивного эффекта произведения и функционируют как необходимые, но не первостепенные элементы семантической организации всего текста. В свою очередь, эксплицированно реализованные в фольклорном тексте знания о языке образуют семантические строевые части текста главенствующего характера. Вокруг осознанных явлений языковой действительности непосредственно выстраивается сюжет фольклорного произведения, а применение метаязыковых представлений в сюжетообразующей функции маркируется лексическими единицами, обозначающими язык / речь.

В фольклорной текстовой культуре российских немцев произведения с развернутым метаязыковым рефлексивным содержанием количественно уступают произведениям с имплицитными формами проявления МЯС. Однако это не свидетельствует о том, что феномены объективной языковой реальности обладают низкой релевантностью для восприятия немецких диалектоносителей. Напротив, способность апеллировать через прецедентный текст к осознанным фактам языка одновременно как к объекту, задающего сюжет произведения, и как к средству, реализующему этот сюжет посредством языковой игры, говорит о высоких потенциях коллективного метаязыкового сознания обсуждаемой общности. Данные свойства коллективного сознания не в послед-

ную очередь вызваны условиями бытования российских немцев, протекающего в скрещающемся культурном континууме двух наций – немецкой и русской.

Таким образом, фольклорные тексты российских немцев – это прецедентное «зеркало», в котором отражены и закреплены наиболее салиентные для обсуждаемой общности явления языковой реальности (например, билингвизм, многозначность единиц лексико-семантической системы и т.д.), а также обнаружена эмоционально-когнитивная трактовка подобных явлений. Кроме того, рассматриваемый тип дискурса еще транслирует и релевантный для коллективного сознания культурно-исторический контекст воспринимаемых языковых фактов. В фольклорном тексте российских немцев осмысляемые явления языковой реальности оказываются «погруженными» в событийное поле, которое можно определить таким понятием, как судьба народа.

Литература

1. *Löffler H.* Zu den Wurzeln der Perceptual Dialectology in der traditionellen Dialektologie. Eine Spurensuche // Anders C.A., Hundt M., Lasch A. Perceptual Dialectology. Neue Wege der Dialektologie. Berlin : de Gruyter, 2010. S. 31–49.
2. *Радченко О.А., Закуткина Н.А.* Дialeктная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.
3. *Anders C.A.* Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin : de Gruyter, 2010. 466 S.
4. *Leonhardt N.K.* Dialektgrenzen als soziokulturelle Konstrukte. Subjektive Sprachräume in Nord-Baden-Württemberg. Tübingen, 2014. 274 S.
5. *Cuonz C.* Sprachliche Werturteile von Laien. Eine sozio-kognitive Analyse. (Basler Studien zur deutschen Sprache und Literatur 93). Tübingen : Francke, 2014. 525 S.
6. *Schröder S.* Mental Maps als Zugang zu sprachlichem Wissen // Sprache, Literatur, Raum. Festgabe für Willy Diercks. Bielefeld : Verlag für Regionalgeschichte, 2015. S. 163–181.
7. *Hundt M., Palliwoda N., Schröder S.* Der deutsche Sprachraum aus der Sicht linguistischer Laien. Ergebnisse des Kieler DFG-Projektes. Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2017. 269 S.
8. *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 193 с.
9. *Бондаренко Е.Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 26 с.
10. *Berend N., Riehl C.M.* Russland // Handbuch der deutschen Sprachminderheiten in Mittel- und Osteuropa. Tübingen : Narr, 2008. S. 17–82.
11. *Голев Н.Д.* Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам лингвогносеологом) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. Ч. I. С. 7–40.
12. *Эмер Ю.А.* Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2 (027). С. 50–60.
13. *Болотниova Н.С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие. 4-е изд. М. : Флинта: Наука, 2009. 520 с.

14. **Карасик В.И.** Алгоритмы построения комических текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. № 4 (22). С. 895–918.
15. **Поддубная Н.Н.** Приемы и средства создания комического эффекта в шванке российских немцев : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 22 с.
16. **Schmidt J.E.** Vom traditionellen Dialekt zu den modernen deutschen Regionalsprachen // Vielfalt und Einheit der deutschen Sprache. Zweiter Bericht zur Lage der deutschen Sprache. Tübingen : Stauffenburg, 2017. S. 105–143.

Сведения об авторах:

Александров Олег Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

Богословская Зоя Матиновна – доцент, доктор филологических наук, профессор Отделения русского языка, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: zefarija@mail.ru

Поступила в редакцию 15 января 2021 г.

METALANGUAGE REFLEXION IN THE TEXT CULTURE OF THE RUSSIAN GERMANS: VARIATION OF FORMS AND MEANINGS

Aleksandrov O.A., Ph.D. (Philology), Associate Professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

Bogoslovskaya Z.M., D.Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of Division for Russian Language, National Research Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk). E-mail: zefarija@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/53/1

Abstract. This article is devoted to the language of the Russian Germans – a subethnos embraced by the processes of linguistic and cultural shifts. The work was carried out in line with perceptual dialectology – a linguistic direction that combines the achievements of traditional dialectology and “naive” linguistics. It also implements the approaches of discursive and field linguistics. The research focuses on the system of metalanguage representations of the Russian Germans, reflected in the folklore discourse of the named community. Based on the analysis of German dialectal precedent texts, a picture of the forms of realization of metalanguage reflection in them can be seen, the phenomena of linguistic reality that form the object of this reflection are revealed. During the field work, 123 people of German nationality living in different districts of Tomsk region were interviewed, a corpus of folklore texts, mainly of comic discourse, was collected. As a result of the study, it was revealed that the implementation of metalanguage reflection in Russian-German folklore discourse has a multilevel nature - it can take convoluted, implicit, or vivid, explicit forms. Most of the dialectal texts recorded in the field do not convey detailed reflections about language and do not contain markers of metalanguage reflection – words and phrases that objectify the facts of language or speech. However, it is precisely the meaningful, attentive attitude of the collective consciousness to linguistic reality that lays the creative basis for the generation of this type of text. Implicit metalanguage structures function in the texts of this category as necessary elements of their semantic structure. They ensure the achievement of a general suggestive effect, putting on the form of stylistic devices necessary for this, based mainly on playing with the meanings and sound shapes of dialect words. In turn, knowledge about the language, explicitly realized in the folklore text, forms its central semantic units. Around the phenomena of linguistic reality, realized and reflected in the text, the plot of a folklore work is directly built, and metalanguage representations in the plot-forming function are marked with lexical units denoting language / speech. Such phenomena that are perceived and receive theming include code

switching caused by the bilingualism of the Russian Germans, changes in the vocabulary of the native language due to the transformation of the social conditions of its existence, formal and semantic features of words, gender characteristics of speech, language norm, etc. As a result of the study, it was established that in the light of perceptual dialectology, folklore texts should be interpreted as a “precedent” mirror, which not only reflects and consolidates the linguistic phenomena most salient for the collective consciousness of the studied dialectal community, but also accumulates the cultural and historical context of these phenomena that is relevant for this community. Thus, the methodological approach proposed in the work can be used in the future to build a reflexive model of language that would combine the profane, everyday one with the general historical, general cultural one.

Keywords: German dialectology; perceptual direction; the Russian Germans; ordinary meta-language consciousness; folklore discourse.

References

1. Löffler H. Zu den Wurzeln der Perceptual Dialectology in der traditionellen Dialektologie. Eine Spurensuche // Anders C. A., Hundt M., Lasch A. Peceptual Dialectology. Neue Wege der Dialektologie. Berlin: de Gruyter, 2010. Pp. 31–49.
2. Radchenko O.A., Zakutkina N.A. Dialektnaya kartina mira kak idioetnicheskij fenomen [Dialectal picture of the world as an idio-ethnic phenomenon] // Voprosy yazykoznanija [Linguistic issues], 2004. № 6. Pp. 25–48.
3. Anders C.A. Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin: de Gruyter, 2010. 466 p.
4. Leonhardt N.K. Dialektgrenzen als soziokulturelle Konstrukte. Subjektive Sprachräume in Nord-Baden-Württemberg. Tübingen, 2014. 274 p.
5. Cuonz C. Sprachliche Werturteile von Laien. Eine sozio-kognitive Analyse. (Basler Studien zur deutschen Sprache und Literatur 93). Tübingen: Francke, 2014. 525 h.
6. Schröder S. Mental Maps als Zugang zu sprachlichem Wissen // Sprache, Literatur, Raum. Festgabe für Willy Diercks. Bielefeld: Verlag für Regionalgeschichte, 2015. Pp. 163–181.
7. Hundt M., Palliwoda N., Schröder S. Der deutsche Sprachraum aus der Sicht linguistischer Laien. Ergebnisse des Kieler DFG-Projektes. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2017. 269 p.
8. Rostova A.N. Metatekst kak forma eksplikacii metazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri) [Metatext as a form of explication of metalanguage consciousness (based on Russian dialects of Siberia)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 193 p.
9. Bondarenko E.D. Naivnaya lingvistika dialektonositelej: etnosociolingvisticheskij aspekt [Naive linguistics of dialect speakers: ethnosocial linguistic aspect]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2016. 26 p.
10. Berend N., Riehl C.M. Russland // Handbuch der deutschen Sprachminderheiten in Mittel- und Osteuropa / Eichinger L.M., Plewnia A., Riehl. C.M. Tübingen: Narr 2008. Pp. 17–82.
11. Golev N.D. Obydennoe metazykovoe soznanie kak ontologicheskij i gnoseologicheskij fenomen (k poiskam lingvognoseologem) [Ordinary metalanguage consciousness as an ontological and epistemological phenomenon (towards the search for linguognoseologems)] // Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects] / otv. red. N.D. Golev. CH. I. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2009. Pp. 7–40.
12. Emer Y.A. Fol'klornyj diskurs: kognitivno-diskursivnoe issledovanie [Folklore discourse: cognitive-discourse research] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Cognitive linguistics issues], 2011b. № 2 (027). Pp. 50–60.
13. Bolotnova N.S. Filologicheskij analiz teksta: ucheb. posobie [Philological analysis of the text: textbook. allowance]. 4-e izd. M.: Flinta: Nauka, 2009. 520 p.

14. Karasik V.I. Algoritmy postroeniya komicheskikh tekstov [Algorithms for constructing comic texts] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. Ser.: Lingvistika, 2018. – № 4 (22). – S. 895–918.
15. Poddubnaya N.N. Priomy i sredstva sozdaniya komicheskogo effekta v shvanke rossijskikh nemcev [Techniques and means of creating a comic effect in the schwanck of the Russian Germans]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2012. 22 p.
16. Schmidt J.E. Vom traditionellen Dialekt zu den modernen deutschen Regionalsprachen // Vielfalt und Einheit der deutschen Sprache. Zweiter Bericht zur Lage der deutschen Sprache. Tübingen: Stauffenburg, 2017. Pp. 105–143.

Received 15 January 2020